

КИНО

Москва, Консольная - 2003 -
24 нояб. - с. 16.

— Мы, кажется, встречались?... — начал он загадочно. Как он изменился! Он, который восемь лет назад при первом интервью сшибал своей бешеной энергетикой наповал, а за слова: "Вам не скучно быть секс-символом?" — мог и убить. А когда ставил свой первый спектакль "Техгрошова опера" в "Сатириконе", гонялся по залу как сумасшедший вместе с Колей Фоменко — легко и весело. От них тогда такие токи исходили: молодости, таланта, жажды жизни, славы — всего!

Сейчас не то. Сейчас — сияние исходит. Такое ровное, экономное — 60 ватт в аккуратной, явно не отечественной упаковке. Может, я что-то преувеличиваю и разбиваю сердца его страстным поклонникам — судите сами.

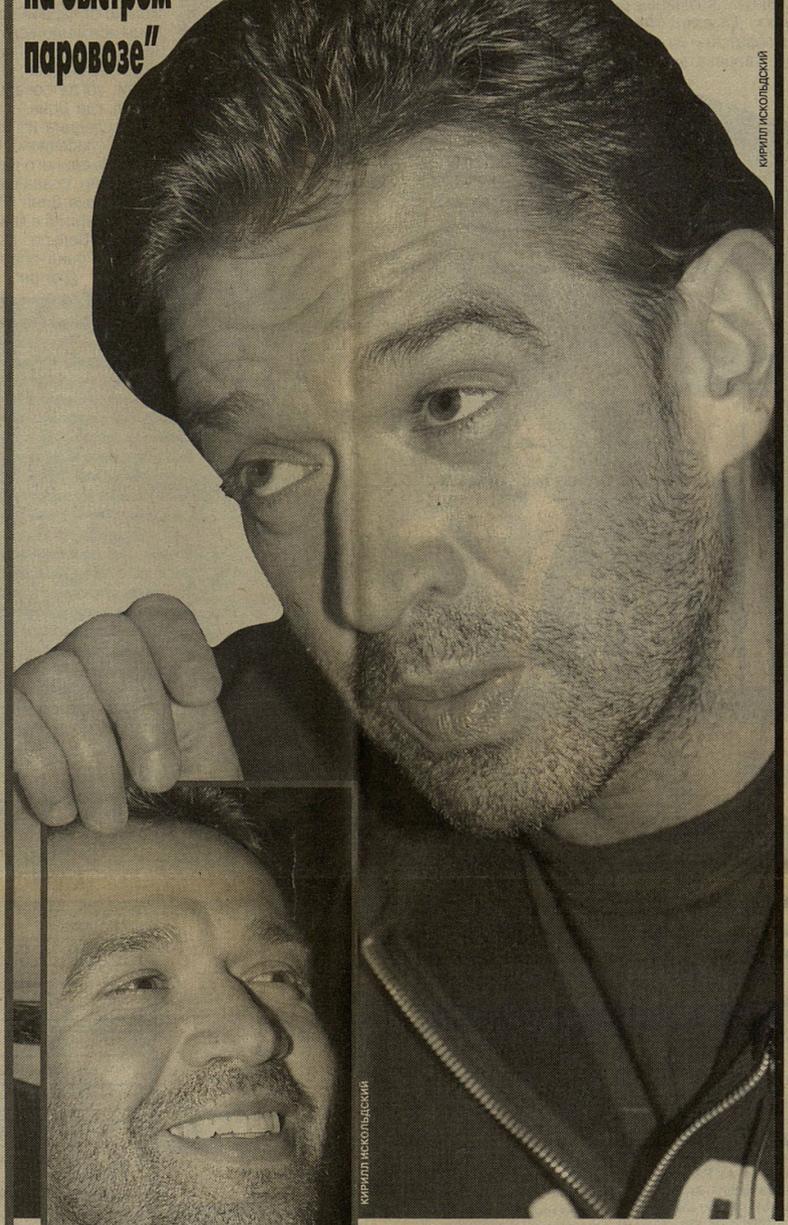
Повод для встречи — Владимир Машков только закончил съемки своей второй режиссерской картины "Матросская Тишина" по пьесе Александра Галича. Спектакль по ней, поставленный Олегом Табаковым, долгие годы с большим успехом шел в "Табакерке", главные роли играли: Машков — отец, а сына в разных составах — Евгений Миронов и Сергей Безруков.

На съемочной площадке фильма "Папа!"

Владимир МАШКОВ: "Я влетел в Голливуд на быстром паровозе"

СЛАВНЫЕ

— Сколько у нас времени?
— Ну, как поговорим... 45 минут.

— Вы сыграли Абрама Шварца на сцене театра 400 раз. И каково было опять — как в первый раз?
— Прошло, может, пять лет, когда я последний раз играл его в театре. Спектакль уже отошел, несмотря на то что история во мне живет, и потому я к ней вернулся. Кино — другой жанр искусства. Театр подразумевает большие монологи, в кино очень важен точный изобразительный ряд, чтобы ты, ты хочешь рассказать, было наиболее понятным и эмоциональным. Даже красками театральными пользоваться в кино невозможно. Поэтому я переработал всю историю. Причем это очень характерная роль: я играю человека намного старше себя, он еврей-алкоголик. А я не еврей, не алкоголик — и это все плод фантазии.

— Я знаю, вы совсем бросили пить?
— Да я никогда особенно и не пил. То есть как-то так — могу выпить, могу не выпить... И то, что я не имел возможности сделать в спектакле, я попытался сделать уже в кино. Потому что степень условности гораздо меньше в кино. Долго я работал со сценарием — с Ильей Рубинштейном, моим соавтором. Долго искал актеров.

— Да, тяжело найти второго Евгения Миронова. Ведь он уже по возрасту не подходил...
— Начинать делать эту историю без хорошего мальчика (сына героя Машкова в детстве. — Е.С.-А.) смысла не было. Мне помог Володя Спиваков — мой очень близкий друг. Я пригласил его подбирать музыку к фильму. И он сказал: "Сходи в мой фонд, у меня вроде есть такой мальчик". Тот, которого он рекомендовал, Андрей Розендент, оказался светловолосый, кругленький. Но он фантастически играет на скрипке. Невероятно одаренный человек. И надо было понять, может ли он что-то делать без скрипки. Он оказался просто блистательным пацаном. А после этого я начал искать героя (основные события развиваются, когда сын Абрама Шварца стал студентом Московской консерватории, и тут как раз на сцене появлялся Миронов. Или Безруков. — Е.С.-А.), чтобы они были похожи. И провел очень большую работу.

— Как вы его искали?
— Как? Смотрел фотографии на "Мосфильме". И мне показалось, что Егор Бероев очень похож. (Бероев — молодой актер МХАТа им. Чехова, играл в сериалах "Пятый угол", "Семейные тайны", "Каменская-2". — Е.С.-А.) Он провел над собой очень большую работу, чтобы найти нужное состояние: занимался на скрипке, и так далее, и так далее. (Машков заканчивает почти каждое предложение: "И так далее, и так далее". — Е.С.-А.) Я не столько долго искал, сколько мы долго репетировали, чтобы попасть в ту интонацию, которая была мне нужна. Для Андрея это вообще другой мир. Человек занимается скрипкой — и вдруг попадает в мир кино...

— Ребенок на площадке требует особого отношения — как вы с ним работали?
— Да никак особенно. Он — взрослый человек, серьезно занимающийся искусством, ему 13 лет. Он такой богатый внутренне человек, что в нем есть все. Он безумно трогательный, со своей трагедией внутренней — и так далее, и так далее. Просто нужно было повернуть его к нему же самому. Чтоб он перестал бояться камеры, перестал обращать внимание на людей.

— И как вы ему объясняли, чтобы он не боялся камеры?
— Да как-то все... Личным примером. (Следует самая обаятельная из улыбок.) Мы работали вместе. Тут я возложил на себя достаточно забавную ношу, так как я являюсь и продюсером, и соавтором сценария, и режиссером, и актером.

— Вы же заявляли, что не станете многостаночником никогда?
— Безразлично не менять своих убеждений. Если говорить о театре, то я бы не позволил себе такую роскошь: ставить спектакль и играть в нем. Потому что там нет ни секунды посмотреть со стороны, что получилось. А в кино сейчас это возможно. У нас была в этом смысле очень оснащенная группа. (Бюджет картины — 3,5 млн. долларов. По мировым стандартам — ничтожно мало, по нашим — очень хорошо. — Е.С.-А.)

— У вас получилось все, чего вы хотели?
— Во всяком случае, я так могу сказать: на данный момент времени я сделал все что мог. И получил огромное удовольствие от двухлетней напряженнейшей работы. Сейчас у меня начинается монтаж — вышел весь материал.

— Вы довольны материалом?
— Нет сомнений. Опять же говорю: на данный момент мы делали это максимально. Не знаю, насколько нам помогла каббалистика... Когда снимаешь кино, очень много натуральных съемок, безумное количество эмоциональных сцен, населенных массовой, — всегда что-то помогает извне. В Москве у нас была массовка и тысяча человек в концертном зале и на парадах. В Тульчине (в роли родины героев — маленького городка за чертой оседлости в 30—40-е годы XX века снимали Каменец-Подольский на Украине. — Е.С.-А.) по 400 человек массовки. Технологично достаточно сложно. Тут же все зависит от степени твоей подготовки. Написали мы сценарий. Потом я с оператором Олегом Добронравовым (это вторая его большая картина, первой был "Олигарх", где он мне понравился своей целеустремленностью) где-то месяца три или четыре работал только над раскадровками. У меня вся картина была нарисована. Потом я очень долго работал с актерами...

— Вы на площадке вулкан, как водится у наших режиссеров?
— Да нет, не знаю. (Улыбается.) Это, наверное, лучше спросить у тех, с кем я работаю.

— Вы можете накричать?
— Да нет, ну что вы. Кричать — на кого?
— Ну, скажем, на актеров, чтобы ввести их в нужное состояние?

набрался в других местах, оно такое — неискреннее.

— У вас было счастливое детство? Вас любили?
— Меня не просто любили... Папа дышал мной. И мама тоже. Так как я поздний ребенок: я родился, когда они были в таком возрасте, как я сейчас. (Отец Володи был актером в кукольном театре, мать в нем — режиссером. Он вырос за кулисами. — Е.С.-А.)

— В фильме есть и автобиографические детали?
— Да, есть. Допустим, сцены, когда пацаны играли на железнодорожном полотне, и т.д. и т.д.

— А еще?
— В отношении, наверное. В некоторых сценах я пытался, во всяком случае. Есть такие кусочки на эмоциональном уровне...

— И с вами такое тоже случалось, как с вашими героями?
— Да, наверное. (Улыбается.) Потому что это все так связано — такой клубок.

— Но в "Матросской Тишине" сын делает отцу очень больно — он же предает отца, стесняется его?
— Мы с невероятной настойчивостью двигаемся к тому, что делаем больно нашим близким. И я делал. Конечно. И с вами такое будет. Обязательно. Мы не замечаем это делаем.

— А вы как себя ведете по отношению к дочери, как вы считаете — правильно?
— Безумно сложно на такие вопросы отвечать. Это вопрос не мне — Маше (Маше — 18 лет, она студентка Щукинского училища. — Е.С.-А.). Она, наверное, моя дочурка, моя Машунечка, могла бы ответить, а я... Вряд ли.

— Но вы же можете оценивать себя со стороны?
— Не только не по отношению к совсем близким людям.

— Вы часто общаетесь?
— Не так часто, как это, наверное, делают родители, которые живут со своими детьми. (Машков

развелся с матерью Маши, актрисой Еленой Шевченко, когда дочка была еще маленькой. Как рассказывает в своих интервью Елена, Машу вырастили ее мама с папой, потому что они с Володей тогда были еще молоды, учились в Москве, и дочка в основном росла в Новосибирске, на родине Елены. — Е.С.-А.)

— У вас не было такого желания — вот сейчас, когда идет монтаж, увидеть себя со стороны в роли несчастного отца, все бросить и поехать к дочери?
— Тут такая штука... Я привык в принципе доводить все вещи до конца. Любое кино — огромный механизм, в который попадаешь и живешь по его законам. Во всяком случае, я никогда не подводил людей, особенно тех, кто от меня в данный момент зависит. Сказал: ладно — значит, я это сделаю. Подвергаться сиюминутным эмоциям и бросать большое дело — нет, такого я за собой не замечал.

— "Матросская Тишина" не помешает вашей карьере за океаном?
— Чем же?
— Ну ведь вы же пропустили, наверное, какие-то предложения, пока провели два года здесь безвылазно?
— Да, я пропустил две картины. Но у меня абсолютно нормальный менеджер. Он понимает, что эта история настолько мне интересна, что я даже могу оставить выгодные предложения.

— И какие именно предложения вы проигнорировали?
— Они были хорошие. Но будем думать, что впереди ждут не хуже.

— Но то, что вы все же выпали на два года "из обоймы", не послужит вам в минус?
— А почему это должно послужить в минус? Там система та же: если ты нужен — нужен такой персонаж, как ты, такие данные...

— И каким они вас видят — какой вы для них персонаж?
— Я не могу ответить на этот вопрос, так как я влетел туда на быстром паровозе и сделал практически все за год — снялся в нескольких картинах. "Танцы в Голубой Игуане", "15 минут славы", "В тылу врага", "Американская распосидья" и "Давай сделаем это по-быстрому". У меня не было никаких проблем. Голливуд — он же такой маленький. (Показывает.) Если попадаешь туда, то дальше один другому говорит о тебе: вот этот хороший. Ну, так же и у нас.

— И снова уже зовут?
— Да, конечно. Вот я должен через две недели туда ехать.

— И что там?
— Кино.

— Какое?
— Ну, будем так грубо говорить, блокбастер. И типаж такой неплохой. Ладно, не будем об этом говорить. Я не люблю про это рассказывать.

— Вы же начали...
— Я еще ничего не начал. В последнее время я придерживаюсь принципа: сделал — расскажи. Не сделал — чего по этому поводу трещать?

— А новый герой — снова плохой русский?
— Нет, он русский, но неплохой.

— Он победит?
— 100 процентов. Он один из победителей.

— Главная роль?
— Ну, вторая роль. С большим актером.

— Скажите, а какой главный урок вы оттуда вынесли?
— Откуда?

— Из работы в Голливуде.
— Нет ничего невозможного — в принципе. Все заключено в нас, ну и везение обязательно. Для того чтобы тебе повезло, ты должен представить что-то — какую-то работу.

— Что для вас было главной проблемой — язык?
— Ну конечно. Хотя, если точно улавливаешь характер персонажа, в этом нет никакой особенной проблемы.

— Для вас это прежде всего адреналин или деньги?
— Ну как вам сказать... (Широко улыбается.) Ну как вам сказать... Ну интересно, наверное. Хорошо, чтоб все вместе было.

— Вы как-то рассказали, что проиграли в Лас-Вегасе за три минуты гонорар за один из американских фильмов.
— Опять вы об этом! Да забудьте! Все напоминаете мне о печальных событиях в моей жизни.

— Вы переживаете, что проиграли такую сумму?
— Нет, я просто не люблю проигрывать.

— И больше вы не играете?
— Почему не играю? Сейчас я кино снимаю. В Каменец-Подольском негде было играть.

— Здесь же есть.
— Здесь есть. Но я только приехал. Да и пока мне адреналина хватает и на моей работе. Как будет пустота, чем-нибудь заполню.

— Игрое?
— Не знаю. Может быть. А может, и посажу дерево. (Смеется.)

— А что значит — пустота? У вас же сейчас все благополучно — семья, работа.
— Нет, вот я и говорю... Можно вас... — Подзывает официанта. — Чай? Кофе? — спрашивает по очереди у нас с фотографом. Выяснив, какой именно фотографу нужен чай, останавливает уже уходящего официанта. — А мне можно заказать? Американский.

— Вы пьете много кофе?
— Сейчас хочу пить много кофе. Веду себя как животное в этом смысле слова: хочу и пью.

— В одном из интервью вы сказали: "А как форму поддержки, этого я никогда не расскажу. Если все узнают, будут себя так же чувствовать, а это неприятно".
— Да что вы. Я, наверное, пошутил. Я вообще никогда серьезно не разговаривал. Да и я вам все наврал, наверное. (Хочет.) Все, утерян рецепт — все забыл.

— Ну как же: 40 лет на зная — и ни одного седого волоса?
— Может, не нервничаю. (Улыбается.)

— Но вы без суеверия к дате относитесь?
— Да я последние лет семь-восемь особенно и не отмечаю дни рождения. Так, все достаточно скромно. Да и сейчас, наверное, вряд ли. Я не готов. Но вот придет 27 ноября, посмотрим, набегут люди — будет видно. У меня вообще мало суеверий. Кошка перебежала, цифра 13 — для меня все наоборот: к счастью.

После паузы, хитро:
— Значит, думаете, сороковник надо отметить? Я и не задумывался. Но иногда надо. В пик.

— Кстати, о кошках. Я знаю, у вас дома живет попугай.
— Когда уезжал, оставил его Дуровой — у него там любовь. Ну и чтоб не сидел один дома. Это же "живой человек". Ему у нее очень хорошо.

— Он по-прежнему, как вы когда-то утверждали, ваш единственный друг?
— Ну что вы, что вы... (Смеется.) Ну конечно, у меня много друзей.

— А есть среди них коллеги? Обычно же актеры с актерами знают, но не дружат?
— Наверное, да, есть.

— Женя Миронов?
— Женя — мой очень близкий товарищ, приятель. У нас большая жизнь — мы учились вместе. (Задумывается.) Вообще в нашей жизни дружбы идут такими кольцами — я заметил. Мне не повезло, у меня такого Друга — с детства — нет. Любую фамилию актера назовите, я скажу: "Да, это мой приятель". Есть люди, с которыми я дружил, но потом наши пути разошлись... Ну, я такой. Я плохой. Ношу все время.

— А жена — друг?
— Жена? Да что вы! Каким же жена может быть другом?

— То есть жена — только жена? Многие актеры признаются, что жена — друг и помощник во всех делах. Ксения же модельер — вы ее не привлекаете к своему кино?
— Про семейную жизнь я вообще разговаривать не хочу... (Как говорит, Володя познакомился с Ксенией в Сочи — на "Кинотавре", она помогла ему учить английский перед поездкой в Голливуд. Ксения стала его третьей женой. — Е.С.-А.) Я вообще очень плохо понимаю, что такое семья. В этом я слабее — ну что же делать... Есть люди, которым дано, а есть те, кому нет.

— И вам не горько?
— Мне? Почему мне горько?

— Мне показало, вы грустно сказали.
— Нет, мне не грустно. Просто я так это не люблю — болтовню про жен, так мне неинтересно...

— Но вы же приглашали первую супругу...
— Какую первую супругу?

— Елену Шевченко. Сниматься в своем фильме "Сирота казанская". Каково вместе с близкими людьми работать?
— Я пригласил ее не потому, что она моя супруга, а потому, что человек талантливый и подошла к роли. Если я кого-то приглашаю, тут семейные отношения не играют никакой роли. Ни-ка-кой абсолютно. Скорее работает в обратную сторону. В этом смысле я одиноличник.

— Вы ходите смотреть свои спектакли, которые идут уже не по первому десятку раз?
— Нет. Раньше я очень часто ходил — без остановки. Но я выпускаю их достаточно поздно, когда они уже совсем взрослые — после двадцатого, тридцатого спектакля. А дальше я понимаю: зачем их мучить, это же люди — живые организмы. Спектакли, которые я делал — "Звездный час", "Смертельный номер", "Техгрошова опера", "№13", — они очень плотно застроены, они музыкальные, и из них очень трудно вывалиться. И тот жанр, который я избрал — агрессивная комедия, — он действует в этом смысле.

— Вы разделяете: когда вы реагируете как актер, а когда — как режиссер?
— Во всяком случае я стараюсь разделять себя на две половинки. Режиссер что должен сделать? Нанизать бусинки из актеров на одну точную-точную линию, леску прочную. И на ней они должны держаться. Дальше они уже сами должны жить как ожерелье, а я должен знать, где замок, который надо зашелкнуть. А как у актера у меня всегда больше всего претензий к себе.

— Много лет вы не давали интервью — почему? Вас кто-то из журналистов обидел?
— Никогда в жизни — несмотря на то, что про меня пишут всякую чепуху, меня это никогда не обижает. Но я придерживаюсь того мнения, что говорить надо, когда есть о чем. Вот вы — первый человек за два последних года, с которым я вообще разговариваю так долго.

— Первое, что вы сделали, вернувшись в Москву, — сбрили бороду, с которой пришлось ходить так долго?
— Да. Пугачева я играл с приклеенной бородой. Здесь все было по-настоящему — и борода, и лысина, которую выбривали. У меня замечательный гример — Катя Иванова. Она делала мне сложный грим два часа. Для спектакля я сам гримировался, но в кино же такими жирными масками работать нельзя. Здесь все было подробно и по-настоящему.

— И последний вопрос я повторю из нашего интервью 95-го года, который вас тогда так разозлил: "Вам не надоело быть секс-символом?" Вы помните, тогда вас все называли первым секс-символом отечественного кино. Теперь же вы, кажется, сделали все, чтоб от этого уйти, — ведете замкнутый образ жизни, ходите с бородой, играете стариков...
— Ну, героев-любовников я не бросил играть — только что в "Идиоты" сыграл я человека, сжигаемого любовью.

— То есть вы от "звания" секс-символа больше не отрекаетесь?
— Мне нечего ответить на этот вопрос. (Улыбается.) Вы же говорите об этом, вам же нравится так меня называть? Если вам очень хочется так меня называть (показывает, как должно хотеться, охая и ахая), тогда конечно. Мне абсолютно все равно. Мне так хорошо сейчас — я закончил кино. Два года жизни не прошли даром — как мне кажется. (Широко улыбается.)

— Вы знаете, это, видимо, первое интервью русского актера и режиссера, когда над нами же журналистом стоят секретари-агенты и машут руками: все, время истекло. Я понимаю, когда Шон Пенн, Вуди Харельсон приезжают на Московский фестиваль, время интервью оговаривается до минуты. Но вы!
— Но я же не хуже, наверное. (Смеется.) И когда-то это должно было начаться.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.